

ВѢЧНЫЙ МИРЪ ВЪ ФИЛОСОФСКОМЪ ПРОЕКТѢ КАНТА.

(По поводу международной мирной конференции)

Гуманный призывъ Русскаго Императора отъ 12 августа 1898 г. ко всеобщему разоруженію, вызвавшій горячее и единодушное сочувствіе во всѣхъ странахъ Европы, пзнемогающихъ подъ бременемъ милитаризма, дѣлается, наконецъ, предметомъ формальнаго обсужденія на собирающейся въ Гагъ международной конференціи уполномоченныхъ отъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Не забѣгая впередъ событий и не предрѣшая практическихъ результатовъ этой конференціи, необходимо всетаки признать, что въ этомъ случаѣ цивилизованное человѣчество дѣлаетъ дѣйствительную попытку освободиться отъ такого позорнѣйшаго послѣдія варварскихъ временъ, какъ война, и водворить господство права и законности въ сферѣ такихъ человѣческихъ отношеній, въ которыхъ доселѣ рѣшающее значеніе принадлежало преимущественно силѣ.

То время, когда въ человѣческой совѣсти не возникало даже пикакихъ сомнѣній насчетъ нравственной дозволенности массоваго истребленія подобныхъ себѣ людей, когда, напротивъ, почти все человѣчество не только находилось въ состояніи хронической войны, но и признавало совершенно нормальнымъ такое состояніе, — это время безвозвратно миновало уже давнымъ-давно. Услышанная 19 столѣтію тому назадъ Вплеемскими пастухами ангельская пѣснь— „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ“ — возбѣщала для человѣчества начало новой нравственной жизни съ возрожденной совѣстью. Съ этихъ поръ, по крайней мѣрѣ, стало уже невозможно то всеобщее нравственное ослѣпленіе,

при которомъ людямъ и въ голову не приходило спрашивать о законности войны. Религія, возвышенная Христомъ, есть религія мира и всеобщаго братства. Война безспорно противна Евангелію. Поэтому для христіанскихъ народовъ, не могшихъ, конечно, въ силу культурно-историческихъ условій своего развитія, отрѣшиться отъ варварскаго обычая воевать, возникала трудная и неблагодарная задача какъ-нибудь оправдать войну, примирить практику своей жизни съ требованіями пробужденной совѣсти и религіи. Оправданіе это достигалось цѣною нравственныхъ компромиссовъ и при помощи софистическихъ перетолкованій Евангелія. Но компромиссы совѣсти и софизмы мысли подобны болячкамъ на организмъ: слабый организмъ они разъѣдаютъ въ концѣ и доводятъ до истощенія и смерти, а съ крѣпкаго и здороваго организма, по прошествіи нѣкотораго времени, спадаютъ ветхой чешуей, подъ которой открывается свѣжее тѣло. Такъ было въ христіанскую эпоху и съ попытками оправдывать войну. Пока доктринеры и теоретики разныхъ направленій терялись въ безконечныхъ спорахъ объ этомъ предметѣ, христіанское человѣчество,—въ здоровомъ и нормальномъ развитіи своего нравственнаго сознанія, — незамѣтно переросло эти споры. Живая совѣсть опередила доктрину. И если теоретически теперь еще остается возможность спора о войнѣ, то практически уже совершенно невѣроятно, чтобы на человѣка съ чуткой совѣстью апологія войны могла оказать хоть какое-нибудь дѣйствіе. Время, когда можно еще было съ большей или меньшей надеждой на успѣхъ оправдывать войну тоже безвозвратно миновало.

Да, самая возможность спорить о войнѣ отошла въ область прошедшаго, стала лишь преданіемъ, хотя еще и очень свѣжимъ: еще сравнительно недавно знаменитый Мольтке писалъ къ Блунчи, что „война есть элементъ богоучрежденнаго міропорядка“ ¹⁾, и можно думать, что старый солдатъ говорилъ это искренно: въ самое послѣднее время у насъ Вл. С. Соловьевъ писалъ въ защиту войны ²⁾, но уже едва-ли кто въ этомъ случаѣ вѣрилъ его искренности. Широко распространенныя по всему свѣту общества друзей

¹⁾ Saale-Zitung, 1881, № 28

²⁾ Въ своемъ „Оправданіи добра“ и немного раньше въ одномъ періодическомъ изданіи.

мира, призывы къ миру и разоруженію со стороны литераторовъ, духовныхъ лицъ, философовъ, разныхъ женскихъ союзовъ и пр., находящая себѣ все больше и больше приверженцевъ проповѣдь т. н. мирнаго крестоваго похода— все это обусловило образованіе во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы такой нравственной атмосферы, при которой признаніе войны за величайшее зло сдѣлалось аксіомой для всѣхъ морально развитыхъ людей. Отсюда понятнымъ становится, почему вотъ уже много лѣтъ подъ рядъ правительства и государи разныхъ странъ такъ горячо и единодушно выражаютъ желаніе всѣми мѣрами содѣйствовать европейскому миру. Этимъ-же объясняется и то, что теперь уже самый милитаризмъ стремится оправдывать себя интересами мира. Знаменитое заявленіе, что только готовая къ бою германская армія можетъ быть залогомъ европейскаго мира, и другія подобныя рѣчи,—какъ ни кажутся парадоксальными по своему существу,—являются всетаки знаменіемъ времени: стыдно теперь стало открыто признать себя сторонникомъ войны. Даже нѣмецкіе генералы въ засѣданіяхъ рейхстага нынѣшняго года стали почтительно расшаркиваться предъ идеей всеобщаго мира и разоруженія, отстаивая проектъ новаго усиленія германской боевой готовности¹⁾..

Стремленіе къ миру и разоруженію, благодаря почину Русскаго Государя, вступаетъ теперь на почву практическихъ мѣропріятій международнаго характера. Недавняя новая циркулярная нота русскаго правительства (отъ 30 декабря прошлаго года) намѣчаетъ уже нѣсколько детальнѣе тѣ пункты, которые подлежатъ обсужденію конференціи. Но несомнѣнно, что труды этой конференціи будутъ только началомъ цѣлаго ряда дальнѣйшихъ усилій въ томъ-же направленіи. Насколько выяснилось доселѣ, дѣло идетъ ближайшимъ образомъ объ ограниченіи дальнѣйшихъ вооруженій и о нѣкоторомъ смягченіи условій и пріемовъ войны. На этомъ, конечно, нельзя остановиться. Идеаломъ, къ которому ведутъ все эти добрыя начинанія, является *вѣчный миръ* народовъ. Если этотъ идеалъ и далекъ еще отъ практическаго своего осуществленія, то сознаніемъ образованныхъ обществъ онъ уже владѣетъ прочно. Осуществленіе

¹⁾ См. *Русск. вѣст.*, 1899 г., № 7.

этого идеала становится культурной задачей будущаго. Въ виду этой задачи, вполне благовременно будетъ вспомнить добрымъ словомъ одного изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ и пропагандистовъ идеи вѣчнаго мира, великаго философа **Иммануила Канта**. Отець критической философіи, авторъ трехъ знаменитыхъ „Критикъ“, едва-ли многимъ извѣстенъ, какъ выдающійся политическій мыслитель и, въ частности, авторъ замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ *философскаго проекта вѣчнаго мира*. Выпущенная въ 1795 году небольшая книжка „Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf“ (104 стр. in 8°) уже пережила свой столѣтній юбилей; но затронутая въ ней тема до такой степени важна для человѣчества, разработка этой темы такъ серьезна и основательна, и предлагаемая практическая программа такъ, можно сказать, прогрессивна, что и въ настоящее время этому произведенію появиться было-бы только въ самую пору.

У Канта подъ старость идея вѣчнаго мира была любимой его идеей. Но она отнюдь не была плодомъ его старческой сентиментальности или чего-либо подобнаго, а напротивъ—продуктомъ глубокаго и сознательнаго убѣжденія, съ логической необходимостью вытекавшаго изъ основныхъ началъ его философіи права.

Международное право предполагаетъ возможность и необходимость юридическихъ отношеній народовъ и государствъ другъ къ другу. Отношеніе между государствами и народами аналогично отношенію между отдѣльными лицами въ извѣстномъ народѣ. Поэтому государства и народы прежде всего могутъ относиться между собою и дѣйствительно относятся, какъ отдѣльныя лица въ т. н. естественномъ состояніи, гдѣ господствуетъ право сильнаго. Справедливость въ такихъ отношеніяхъ, очевидно, не имѣетъ мѣста, она должна ограничиваться только сферою гражданскаго общества. Но справедливость есть безусловное требованіе разума и имѣетъ силу для всего человѣчества. Слѣдовательно, естественное отношеніе народовъ должно превратиться въ правомѣрное или политическое, гарантирующее соблюденіе справедливости ¹⁾. Правомѣрное общеніе народовъ возможно

1) *Кунъ Фишеръ*, Исч. нов. фил. рус. пер. Н. Н. Срахова, т. 4, стр. 317.

только подъ условіемъ *мира* между ними. Очевидно, что идеаль вѣчнаго мира совпадаетъ съ идеаломъ правомѣрнаго взаимообщенія народовъ.

Кантъ не отрицалъ безусловно войны. Онъ признавалъ такія обстоятельства, при которыхъ война имѣетъ законное основаніе. Такимъ обстоятельствомъ онъ считалъ только *опасность, угрожающую существованію* народа. Опасность эта, по его мнѣнію, можетъ быть двухъ родовъ: или *угроза* (заставляющая взяться за оружіе, не дожидаясь нападенія), или-же *фактическое нападеніе*. Въ томъ и другомъ случаѣ, законною войною будетъ *только война оборонительная*. Къ оборонительнымъ войнамъ относитъ Кантъ и *войны за независимость* ¹⁾.

Но, признавая въ извѣстныхъ случаяхъ законность войны, Кантъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ состояніемъ народовъ, при которомъ возможны между ними войны. Идеаль вѣчнаго мира, по его глубокому убѣжденію, не долженъ оставаться пустою мечтой. Въ реальныхъ условіяхъ народнаго быта могутъ и должны быть открыты и условія осуществимости этого идеала. Задачу открыть эти послѣднія условія и беретъ на себя сочиненіе „Zum ewigen Frieden“.

Книжка Канта о вѣчномъ мирѣ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, двухъ дополненій и двухъ приложений. Въ двухъ отдѣлахъ, образующихъ, по мысли автора, главное и существенное содержаніе сочиненія, формулированы и сопровождаемы комментаріями *прелиминарныя* и *дефинитивныя* статьи вѣчнаго мира. Проектъ вѣчнаго мира долженъ опредѣлить, — 1) каковы тѣ *непрелѣтныя условія, безъ которыхъ вѣчный миръ между народами невозможенъ*, и 2) въ какой формѣ можетъ быть осуществленъ между народами вѣчный миръ, *что необходимо для возможности и прочности постоянныхъ мирныхъ отношеній государствъ другъ къ другу*. Другими словами, проектъ вѣчнаго мира долженъ указать какъ *отрицательныя*, такъ и *положительныя* условія защищаемаго имъ междунаrodnаго состоянія. Перваго рода условія даны въ прелиминарныхъ статьяхъ вѣчнаго мира, а второго рода въ дефинитивныхъ. Дополненія указываютъ гарантіи вѣчнаго мира.

¹⁾ Ibid, стр. 215—217

Первое, такъ и озаглавленное „о *гарантіи вѣчнаго мира*“, старается доказать, что вѣчный миръ есть естественная цѣль человечества, что къ нему одинаково ведутъ людей и природа и разумъ. Второе, озаглавливающееся—„*тайная статья вѣчнаго мира*“, указываетъ право философовъ въ государствахъ распространять здравыя политическія идеи, обуславливающія возможность вѣчнаго мира народовъ. Изъ приложений первое трактуетъ о *разногласіи между моралью и политикой съ точки зрѣнія интересовъ вѣчнаго мира*, а второе—о *согласіи политики съ моралью по трансцендентальному понятію публичнаго права*.

I.

Прелиминарныя статьи вѣчнаго мира.

Прелиминарныхъ статей вѣчнаго мира Кантъ выставляетъ шесть. Мы рассмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ приведены у автора.

I статья: „Ни одинъ мирный договоръ не долженъ считаться таковымъ, если при заключеніи его удержанъ втайнѣ поводъ для будущей войны“¹⁾.

Эта статья содержитъ въ себѣ требованіе полной *искренности* при заключеніи мира. Въ мирные трактаты не должно вносить такихъ пунктовъ, которые могли-бы впоследствии подвергнуться злонамѣренному перетолкованію одной изъ сторонъ и тѣмъ вызвать новую войну. „Подобный миръ,—говоритъ Кантъ въ поясненіе приведенной статьи,—былъ бы только перемиріемъ, отерочкой враждебныхъ дѣйствій, а не миромъ, который обозначаетъ конецъ всякой враждебности, не миромъ, къ которому присоединять эпитетъ *вѣчный* есть собственно уже подозрительный плеоназмъ. Мирнымъ договоромъ уничтожаются все наличныя причины для будущей войны, хотя-бы даже въ данный моментъ и невѣстныя самимъ примиряющимся сторонамъ:—но онѣ могутъ зато съ тѣмъ большей еще крючкотворной ловкостью (mit noch so scharfsichtiger Ausspähungsgeschicklichkeit) быть отгапываемы въ архивныхъ документахъ“²⁾.—Дѣлать при заключеніи мир-

1) Zum ewigen Frieden, S. 5

2) Ibid

наго договора мысленную оговорку (*reservatio mentalis*), оставляя лазейку для заявленія въ будущемъ такихъ претензій о которыхъ въ данный моментъ ни одна сторона не упоминаетъ, потому что обѣ слишкомъ изнурены для продолженія войны, а затѣмъ, когда захочется, при первомъ благоприятномъ поводѣ, воспользоваться этимъ для объявленія новой войны,—такой образъ дѣйствія есть уже чисто иезуитская казуистика и ниже достоинства правителей и ихъ министровъ ¹⁾. Такой взглядъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Канта, обусловленъ самымъ существомъ дѣла. „Но,—не безъ проищія прибавляетъ онъ,—если въ постоянномъ увеличеніи силы, какими-бы то ни было средствами, полагать честь государства, то такое сужденіе, конечно, покажется доктринерскимъ и педантичнымъ ²⁾“. Несомнѣнно, что здѣсь содержится упрекъ тѣмъ политикамъ, которыхъ Кантъ рѣшительно объявлялъ „безъидейными эмпириками“ ³⁾. Но можно и есть основанія надѣяться, что столѣтіе, протекшее съ тѣхъ поръ, въ достаточной мѣрѣ убѣдило и самихъ дипломатовъ, что честность—лучшая политика.

II статья: „Ни одно самостоятельное государство (большое или малое,—все равно) не должно быть приобрѣтаемо другимъ государствомъ чрезъ наслѣдство, обмѣнъ, покупку или дареніе“ ⁴⁾.

„Государство, говоритъ Кантъ, не есть (подобно, напримеръ, обитаемой имъ землѣ) имущество (*patrimonium*) Оно есть общество людей, которымъ никто, кромѣ его самого, не можетъ повелѣвать или располагать. Но прививать его, какъ черенокъ, къ другому государству, когда оно само, подобно дереву, имѣетъ собственные корни, значить уничтожать его бытіе, какъ нравственной личности, и дѣлать изъ послѣдней вещь“ ⁵⁾. Право народовъ, достигшихъ сознанія своего національнаго единства, на политическую самостоятельность въ настоящее время уже никѣмъ, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Ibid

²⁾ ibid

³⁾ *Fr Paulsen*. Immanuel Kant, sein Leben und seine Lehre 1898 S. 302

⁴⁾ Zum ewigen Frieden, S 6.

⁵⁾ *ibid*.

теоретически не оспаривается. II государства, позволяющія себѣ насильственные захваты, — въ родѣ, напр., допущенныхъ американцами послѣ недавней войны съ Испаніей, — обыкновенно уже оправдываютъ теперь свой образъ дѣйствій неспособностью присоединяемыхъ народовъ къ самоуправленію и стараются выставить свой захватъ временнымъ протекторатомъ, который долженъ окончиться, когда народъ достигнетъ политическаго совершеннѣйшаго и въ состояніи будетъ самъ сознательно избрать форму своего политическаго существованія. Право подобнаго самоопредѣленія народа теперь уже всюду признается.

Любопытно, что Кантъ, возставая противъ захвата однимъ государствомъ другого, аргументируетъ это тѣмъ, что такой образъ дѣйствія „противорѣчитъ идеѣ *первоначальнаго договора*, безъ которой немислимо какое либо право на народъ“ ¹⁾. Идея „первоначальнаго договора“, имѣющая у Канта значеніе главнымъ образомъ въ ученіи о государственномъ правѣ ²⁾, примѣняется къ обсужденію международныхъ отношеній потому, что какъ уже было замѣчено, юридическія отношенія народовъ, по Канту, во многомъ аналогичны отношеніямъ отдѣльныхъ людей въ обществѣ. Несомнѣнно, что въ этой ссылкѣ на „первоначальный договоръ“ сказалось вліяніе Руссо: по Канту дальш мысли Руссо такое толкованіе, которое уже не связываетъ судьбу этой философско-юридической идеи съ вопросомъ о проихожденіи государства, и, благодаря этому, его аргументація не потеряла значенія и для настоящаго времени.—Кантъ свой „договоръ“ понимаетъ не въ смыслѣ историческаго факта, а какъ *идею разума*, регулирующую государственную жизнь. „Есть норма,—такъ комментируетъ этотъ взглядъ Канта Куно Фишеръ,—по которой можно судить о справедливости каждаго образа правленія: чего не можеть постановить относительно себя самого народъ, того не имѣетъ права постановить и монархъ относительно народа. Чтѣ народъ постановляетъ относительно себя самого, то должно быть утверждено соглашеніемъ всѣхъ со всѣми. Предполагается, что гражданское общество въ цѣломъ ос-

¹⁾ *ibid.*

²⁾ *Kant, Die Metaphysik der Sitten* 1 Th. *Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre* 1798 § 47 §§ 198-199.

повывается на такомъ *первоначальномъ контрактѣ*. Чтò никогда не могло быть постановлено такимъ первоначальнымъ соглашеніемъ, того никогда не имѣеть права постановлять и законодательная власть“ 1). Для Канта совершенно безразлично,—имѣлъ-ли мѣсто въ исторіи подобный договоръ. Для него важна *идея* этого договора, дающая надежную *точку зрѣнія* для оцѣнки управленія. Примѣняя эту идею къ оцѣнкѣ международныхъ отношеній, онъ отстаиваетъ политическую неприкосновенность всякаго самостоятельнаго государства. А поскольку въ принципѣ эта неприкосновенность признается и современнымъ международнымъ правомъ, постольку мы имѣемъ здѣсь косвенное признаніе и Кантовской точки зрѣнія на этотъ предметъ.

При такомъ общемъ взглядѣ на неприкосновенность самостоятельныхъ государствъ, Кантъ, разумѣется, не могъ не признать вопіющимъ беззаконіемъ всѣ виды пріобрѣтенія однимъ государствомъ другого. Наслѣдованіе власти въ государствѣ извѣстнымъ лицамъ, если оно уже состоитъ правителемъ въ другомъ государствѣ, не можетъ быть пріобрѣтеніемъ одного государства другимъ: не правитель здѣсь пріобрѣтаетъ себѣ царство, а наоборотъ—государство пріобрѣтаетъ себѣ правителя 2). Брачные союзы правителейъ точно также не могутъ быть основаніемъ для уничтоженія самостоятельности государствъ, потому что государства въ бракъ не вступаютъ 3). Подобное-же, хотя и косвенное, посягательство составляетъ отдача войскъ одного государства на службу къ другому не противъ общаго врага, потому что при этомъ подданные трактуются уже, какъ вещи, которыми можно распоряжаться совершенно по произволу 4).

Требованія, содержащіяся въ разсматриваемой статьѣ, дѣйствительно образуютъ одно изъ самыхъ существенныхъ условій вѣчнаго мира. Если-бы эти требованія изъ сферы теоретическаго только признанія перешли въ практику международную, то множество войнъ было-бы предотвращено. Безусловно законнымъ мотивомъ войны, какъ мы видѣли, яв-

1) *Kuno Fischer*, цит. соч., стр. 191.

2) *Zum ew. Fl. S. 6 Anmerk.*

3) *ibid S. 6*

4) *ibid*

чается защита народомъ своей политической самостоятельности. Поэтому все, что угрожаетъ этой самостоятельности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянная угроза миру. Большинство войнъ послѣдняго времени были войнами за освобожденіе.

III статья „Постоянныя войска (miles perpetuus) должны со временемъ совершенно уничтожиться“ ¹⁾.

Этой статьей Кантъ бьетъ въ самый центръ современной системы милитаризма. Если-бы онъ дожилъ до нашихъ дней, то созерцаніе нашего тамъ называемаго „вооруженнаго мира“ дацо-бы ему много-много серьезнѣйшихъ поводовъ требовать уничтоженія постоянныхъ войскъ съ удвоенной настойчивостью. Постоянное и ужасающее возрастаніе европейскихъ армій, до крайности стѣсняющее нормальное экономическое развитіе государствъ, есть наглядное доказательство отъ „противнаго справедливости Кантовскаго тезиса. Постоянныя арміи, при естественномъ взаимномъ недовѣрїи и соревнованїи государствъ, имѣютъ вмѣстѣ неудержимую тенденцію къ возрастанію едва-ли не до безконечности. А миръ этими все новыми и новыми оруженіями отнюдь не гарантируется; даже напротивъ, вооруженные и всегда готовые къ войнѣ милїоны солдатъ являются постоянной угрозой миру. Кантъ замѣчательно вѣрно понималъ и характеризовалъ значеніе этого вооруженнаго мира „Постоянныя войска, говоритъ онъ, постоянно угрожаютъ войною другимъ государствамъ, въ силу своей постоянной боевой готовности и легкости мобилизаціи“ ²⁾. А такъ-какъ эта угроза, по его словамъ, побуждаетъ государства конкурировать другъ съ другомъ въ умноженїи оруженїи, „не знаящемъ никакихъ границъ“, и такъ-какъ, влѣдствїе громадныхъ затратъ на это, „миръ, наконецъ, становится тяжелее короткой войны, то война дѣлается неизбежной, чтобы только какъ-нибудь отдѣлаться отъ этого бремени. А затѣмъ, при системѣ постоянныхъ войскъ, вынужденныхъ своею жизнью расплачиваться за интересы, которые для солдатъ далеко не совпадаютъ съ ихъ личными гражданскими и экономическими

интересамъ, нѣмѣ нравственное чувство не можетъ не возмущаться тѣмъ, что „люди употребляютъ, какъ машины или орудія въ рукахъ другого (государства)“. Кантъ приводитъ одинъ историческій анекдотъ, въ которомъ очень наглядно и даже цинично иллюстрируется эта точка зрѣнія. Одинъ болгарскій князь, которому воевавшій съ нимъ византійскій императоръ предложилъ покончить свою распрю не пролитіемъ крови подданныхъ, а собственнымъ поединкомъ, отвѣчалъ: „кузнецъ, имѣющій клещи, не стапаетъ вынимать раскаленное желѣзо изъ горна прямо руками“¹⁾.

Система постоянныхъ войскъ должна быть замѣнена просто всеобщимъ обученіемъ гражданъ государства обращенію съ оружіемъ,—на случай могущей возникнуть надобности защищать свое отечество. „Совсѣмъ иначе, говоритъ Кантъ, обстоитъ дѣло съ свободнымъ, періодически предпринимаемымъ обученіемъ гражданъ воинскому дѣлу—съ цѣлю защищать свое отечество отъ внѣшнихъ нападений“²⁾. Такое государство съ трудомъ вовлеклось-бы въ какую-нибудь другую войну, кромѣ оборонительной. А если-бы и все государство ввели у себя такой порядокъ, то шансы войны сдѣлались-бы чрезвычайно малы: къ войнѣ необходимо было-бы очень много готовиться; при оборонительной войнѣ эти приготовления неизбежны; предпринимать-же ихъ ради наступательной войны, при невѣрности ея исхода, было-бы нерасчетливо. Несомнѣнно, существуетъ извѣстная *пропорциональность между размѣрами вооруженій и вѣроятностью войны* чѣмъ сильнѣе боевая готовность извѣстнаго государства, тѣмъ легче оно можетъ вовлечься въ войну и—наоборотъ. Правило древнихъ римлянъ „si vis pacem, para bellum“ есть только эффектный парадоксъ, хотя и доселѣ, къ сожалѣнію, не потерявшій своего обаянія надъ политическими умами.

Справедливо замѣчаютъ, что вопросъ о постоянныхъ войскахъ запутываетъ нашу мысль въ логическій кругъ: пока существуютъ постоянныя войска, война необходима, и пока существуетъ война, постоянныя войска необходимы³⁾. Выходъ изъ этого круга могъ-бы быть найденъ только въ *общемъ*

¹⁾ *ibid*, SS 6--7.

²⁾ *ibid* S 7

³⁾ *Курко Фингеръ*, цит. соч., стр 222

соглашеніи государствъ; пусть *все* рѣшится разоружиться, и с. уничтожить постоянныя войска. Безъ такого общаго соглашенія всякій единичный починъ разоруженія ставилъ-бы разоружающееся государство подъ угрозу безпрятственнаго разгрома со стороны сосѣдей. При трудности провести и осуществить такое радикальное рѣшеніе, какъ совершенное разоруженіе, можно, для начала, ограничиться и только *равномернымъ сокращеніемъ* вооруженій; но, во всякомъ случаѣ, необходимо, чтобы эта мѣра была принята *всеми*.

При существованіи постоянныхъ войскъ, конкуренція государствъ въ мирномъ даже трудѣ можетъ создать поводъ для войны. Такъ скопленіе богатствъ въ извѣстной странѣ легко уже становится угрозой какъ экономическому благополучію, такъ и миру сосѣдей. Если по Монтекукули для войны необходимы три вещи: во-первыхъ деньги, во-вторыхъ деньги и въ-третьихъ тоже деньги;—то очевидно, что богатое и, при томъ, обладающее постоянными войсками государство имѣетъ максимумъ боевой готовности. Скопленіе богатствъ, [говоритъ Кантъ, „если другія государства уметрятъ въ немъ для себя угрозу войной, можетъ понудить къ предупредительнымъ нападеніямъ (zu vorerkennenden Angriffen), потому что изъ трехъ силъ, угрожающихъ миру другихъ государствъ, — *военной силы, союзовъ* и *силы денегъ*,—послѣдняя есть самое вѣрное орудіе войны“ ¹⁾. Послѣдняя мысль Канта, безспорно, вѣрна: но необходимо замѣтить, что и безъ постоянныхъ войскъ деньги не теряютъ этого своего значенія, какъ орудія войны: примѣръ послѣдней войны американцевъ съ испанцами весьма наглядно показалъ, какъ богатое государство, хотя и лишенное почти совсѣмъ постоянной арміи, можетъ съ успѣхомъ вести побѣдоносную войну противъ обладающаго отличной арміей и солиднымъ флотомъ, но бѣднаго государства. Какъ-бы то ни было, впрочемъ, отсутствіе постоянныхъ войскъ уменьшаетъ шансы войны; а значеніе богатства, на случай необходимости воевать, показываетъ, что обезопасить себя государства могутъ и путемъ мирнаго экономическаго преспеянія. Старую римскую поговорку тогда можно-бы было соотвѣтственно измѣнить: „si vis pacem, para pecuniam“.

¹⁾ Zum ewigen Frieden, S. 7.

IV' статья: „Не должно дѣлать государственныхъ „долговъ въ интересахъ вѣншей полн-тики“ ¹⁾

„Искать помощи, говоритъ Кантъ, внѣ или внутри государства ²⁾ ради удовлетворенія политико - экономическихъ потребностей (улучшеніе путей сообщенія, заведеніе новыхъ поселеній или колоній, устройство запасныхъ магазиновъ на случай неурожайныхъ годовъ и т. д.) не вызываетъ никакихъ подозрѣній“ ³⁾. Но этимъ и должна ограничиться система государственнаго кредита. Всякіе займы на военное дѣло и вообще не нужды вѣншей политики составляютъ уже угрозу для другихъ государствъ и уже по одному этому могутъ повести къ дѣйствительной войнѣ. А затѣмъ возрастаніе государственнаго долга, вредно отражаясь на общей экономической жизни страны, подрывая производство и торговлю (потому что неизбежно вызываетъ увеличеніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и пошлинъ на предметы вѣншей торговли), можетъ привести государство къ банкротству, которое тоже представляется для другихъ государствъ опаснымъ состояніемъ. „Эта легкая возможность вести войну на занятія средства, говоритъ Кантъ, въ связи съ врожденной, повидимому, склонностью къ этому при всякомъ сознаніи достаточности своихъ силъ, есть великое препятствіе для вѣчнаго мира, устраненіе котораго (т. е. препятствія) тѣмъ болѣе должно составлять преллиминарную статью этого мира, что неизбежное, наконецъ, банкротство задолженнаго государства незаслуженно запутаетъ въ убытки и нѣкоторыя другія государства, что будетъ уже открытымъ посягательствомъ на послѣднія. Слѣдовательно, другія государства уже только поэтому въ правѣ соединиться для противодѣйствія ему и его притязаніямъ“ ⁴⁾. Отсюда война становится неизбежной

¹⁾ Ibid

²⁾ Разумьется вѣншіе и внутренніе займы.

³⁾ Zum ew. Fr. S 7

⁴⁾ Ibid. S 5

IV статья: „Ни одно государство не должно насильственно вмѣшиваться въ устройство и управление другого государства“ ¹⁾.

„Что, спрашиваетъ Кантъ, можетъ уполномочивать на такое вмѣшательство? Развѣ соблазнъ, который подается поданнымъ другого государства? Но въ этомъ случаѣ примѣръ великихъ золь, которыя навлекаетъ на себя народъ своимъ беззаконіемъ, скорѣе можетъ послужить предостереженіемъ; и вообще дурной примѣръ, подаваемый одною свободною личностью другой (какъ *scandalum assertum*), не составляетъ для послѣдней правонарушенія“ ²⁾. Внутреннія дѣла другого государства никого, кромѣ него самого, не касаются. Ни одно государство не въ правѣ бороться противъ внутреннихъ золь и неурядицъ сосѣдей. Внутри себя всякое государство—само полный хозяинъ. Ссылки на дурной примѣръ или на заслуживающее состраданія состояніе народа, какъ мотивъ для вмѣшательства въ его жизнь, обыкновенно бываютъ лицемерны и только прикрываютъ собой какіе-нибудь корыстные планы. Кантъ въ одномъ только случаѣ допускаетъ вмѣшательство. это—когда государство вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и раздоровъ распалось на двѣ совершенно обособленныя части, какъ-бы уже два отдѣльныхъ государства, причемъ одна часть заявляетъ претензіи на господство надъ другою, т. е. хочетъ удержать функціи прежняго цѣлаго государства; въ этомъ случаѣ, помощь, оказанная одной изъ сторонъ, прежде всего, не есть уже вмѣшательство въ „устройство“ и „управленіе“ другого государства, ибо въ этомъ послѣднемъ царитъ анархія; а затѣмъ, разъ части расколовагося государства являются „какъ-бы двумя самостоятельными государствами, то указанное вмѣшательство принимаетъ уже форму союза съ одной изъ воюющихъ сторонъ. „Но пока этотъ внутренній споръ еще не рѣшенъ, говорить Кантъ, такое вмѣшательство внѣшнихъ силъ было-бы нарушеніемъ правъ единого и ни отъ кого независимаго народа, только борющагося съ своею внутреннею болѣзнью; такое вмѣшательство само произвело-бы соблазнъ и создавало-бы опасность для автономіи всѣхъ государствъ“ ³⁾. Кантъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

здѣсь совершенно вѣрно указывать принципъ, по которому долженъ рѣшаться вопросъ о вмѣшательствѣ. Только усвоenie одной изъ сторонъ, находящихся въ междусобной борьбѣ, правъ на самостоятельность и признаніе ея за *воюющую сторону* (а не за бунтовщиковъ) даетъ основаніе для вмѣшательства другихъ государствъ, при чемъ, конечно, это вмѣшательство должно имѣть цѣлью только возстановленіе справедливости, а не какіе-нибудь захваты въ свою пользу.

Мы уже въ самомъ началѣ своего очерка имѣли случаи замѣтить, что въ отношеніи къ вопросу о войнѣ ростъ нравственнаго и юридическаго сознанія человѣчества опережаетъ практику государствъ. Это надо сказать и относительно права вмѣшательства въ дѣла другого государства. Въ принципъ идеи Кёнигсбергскаго философа на этотъ счетъ уже получили признаніе всего мыслящаго человѣчества. И теперь дипломатія, — всякій разъ, когда приходится пользоваться неурядицами другого государства для своихъ цѣлей, — старается *оправдать* свой образъ дѣйствіи и представить его не нарушающимъ началъ международной справедливости. А иногда и дѣйствительно въ подобныхъ случаяхъ цивилизованныя государства безкорыстно и дружно содѣйствуютъ *торжеству правды*. Участие европейскихъ государствъ въ Китайскихъ дѣлахъ и рѣшеніе Критскаго вопроса могутъ служить примѣрами на тотъ и другой случай. Вмѣшательству Соединенныхъ Штатовъ въ борьбу Испаніи съ Кубанцами предшествовало признаніе Штатами Кубы за воюющую сторону.

1) *У статья*: „Ни одно государство не должно въ войнѣ съ другимъ государствомъ позволять себѣ такія враждебныя дѣйствія, которыя сдѣлали-бы невозможнымъ взаимное довѣріе во время будущаго мира между ними: таковы — наемъ въ nepřіятельскомъ государствѣ убійць (percussores) и отравителей (venefici), нарушение капитуляціи, подущеніе на измѣну (reg-„duellio“¹⁾).

„Это все — безчелныя стратагеми“, справедливо замѣчаетъ Кантъ Несомнѣнно, утверждаетъ онъ, что и во время войны

¹⁾ ibid S 9

для обѣихъ сторонъ обязательнѣе извѣстный минимумъ чести и благородства. „Доляно и во время войны оставаться въ некоторое довѣріе къ образу мыслей врага, ибо иначе и никакой миръ съ нимъ будетъ невозможенъ, и военныя дѣйствія должны превратиться въ безпощадно-истребительную войну (*bellum internecivum*)“, ¹⁾—въ родѣ войны евреевъ съ Хаанаанскими народами. „Война есть свойственное естественному состоянію народовъ (гдѣ нѣтъ никакого судилца, которое-бы могло произносить законный судъ), обусловливаемое лишь печальной необходимостью, средство — возстановлять свое право при помощи силы; здѣсь ни одна изъ сторонъ не можетъ заранее объявляться неправою (ибо примъ предполагался-бы судебный приговоръ), а только *исходъ* войны (какъ въ такъ называемомъ судѣ Божіемъ) рѣшается, на какой сторонѣ право“ ²⁾. Поэтому необходимо, чтобы послѣ войны народы не теряли уваженія другъ къ другу, чтобы во время войны ненависть народовъ другъ къ другу не возрастала безмѣрно и не исключала возможности дружественныхъ отношеній послѣ войны. Извѣстное правило „à la guerre comme à la guerre“ — если и можетъ имѣть какое-нибудь значеніе, то отнюдь не такое, будто на войнѣ все позволено. *Войны должны быть честной борьбой силъ, а не соревнованіемъ въ безчестности.*

Могутъ сказать, что иногда война имѣетъ карательный характеръ, и поскольку виновный народъ паде, во что-бы то ни стало, покарать, постольку и все средства въ такой войнѣ дозвольтельны. Кантъ, предупреждая это возраженіе, рѣшительно заявляетъ, что „между государствами неммыслима карательная война (*bellum punitivum*), потому что между ними не имѣетъ мѣста отношеніе высшаго къ подчиненному“ ³⁾. Достаточно припомнить, какое негодованіе и даже презрѣніе всего цивилизованнаго міра вызываетъ англійская политика въ Индіи, гдѣ захвату какого-нибудь независимаго народа обыкновенно предшествуетъ „наказаніе“ его въ формѣ просто завоевательнаго похода. — чтобы понять, насколько справедливъ Кантъ въ своемъ отрицаніи карательной войны.

¹⁾ *ibid*

²⁾ *ibid*

³⁾ *ibid*

Если-бы въ войнѣ двухъ народовъ уничтожались всякія ихъ нравственныя обязательства въ отношеніи другъ къ другу, если-бы война давала сигналъ къ попранію всякой справедливости, то между народами могли-бы существовать только истребительныя войны (*Ausrottungskrieg*). При этихъ условіяхъ, говоритъ Кантъ, „*вѣчный миръ имѣлъ-бы мѣсто только на великомъ кладбищѣ человѣческаго рода*“¹⁾... Поэтому такія войны и главнымъ образомъ употребленіе средствъ, ведущихъ къ нимъ, должны считаться безусловно непозволительными. „А что названныя средства неизбежно приводятъ къ такимъ войнамъ, это, по словамъ Канта, открывается вотъ изъ какого соображенія: эти адскіе фокусы, — помимо того, что употребленіе ихъ само по себѣ гнусно, — не ограничиваются только военнымъ временемъ, а удерживаются потомъ и для мирнаго времени; — таково, напримѣръ, употребленіе шпионовъ (*uti exploratoribus*), гдѣ только пользуются безчестностью другихъ“²⁾. Честность и признаніе неприкосновенными извѣстныхъ правъ даже у враговъ обязательны и на войнѣ. Кто безчестенъ въ войнѣ, тотъ не заслуживаетъ довѣрія и въ мирѣ.

То, на чемъ настаиваетъ Кантъ въ разсматриваемой статьѣ своего вѣчнаго мира, настолько очевидно для всякаго культурнаго человѣка, что объ этомъ и не можетъ быть двухъ различныхъ мнѣній. И теперь принятыми и обязательными повсюду у цивилизованныхъ народовъ такъ называемыми законами и обычаями войны и постановленіями, напр., Женевской конференціи 1864 года и Брюссельской 1874 года уже многое сдѣлано для удовлетворенія этому законному требованію совѣсти и справедливости. Предстоитъ кое-что сдѣлать и предстоящей Гагской конференціи, какъ видно изъ предложенія русскаго правительства отъ 30 декабря. Но несомнѣнно многое еще останется задачей будущаго. Въ особенности это нужно сказать о мѣрахъ борьбы съ *шпионствомъ*. Это такое зло въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ, о которомъ

¹⁾ *ibid.* Этимъ замѣчаніемъ Кантъ возвращается къ сравненію, которое онъ мимоходомъ затронулъ въ самомъ началѣ своей книги. Заглавіе философскаго очерка „*Zum ewigen Frieden*“ напомнило ему совершенно такую-же сатирическую надпись на вывѣсѣ одной голландской гостиницы. Гдѣ изображено было кладбище.

²⁾ *ibid.* SS. 9-10

нельзя вспомнить безъ чувства снѣтлѣйшаго омерзѣнія. И это зло—прямое дѣтище нашего „вооруженнаго мира“. Одно потрясающее въ настоящее время весь государственный организм несчастной Франціи дѣло Дрейфуса, со всею его массою подлоговъ, подкуновъ и прочей нравственной грязи, окончательно скомпрометировавшей французскую военную организацію и внесшей непримиримый раздоръ въ общество, достаточно наглядно иллюстрируетъ предести этой системы шпіонства.

Разсмотрѣнными прелиминарными статьями вѣчнаго мира исчерпываются все важнѣйшія непремѣнныя условія, безъ которыхъ этотъ миръ невозможенъ. У Канта эти условія изложены въ видѣ отдѣльныхъ и какъ будто не связанныхъ одна съ другою статей. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь есть *система*, дѣйствительно *исчерпывающая* главнѣйшія условія. Прекрасно устанавливаетъ эту систему Куно Фишеръ, взглядъ котораго на этотъ предметъ мы и позволимъ себѣ здѣсь привести.

Задачей прелиминарныхъ статей Кантовскаго проекта является, по словамъ Куно-Фишера, „удаленіе всего *благопріятнаго* для войны и *неблагопріятнаго* для мира отношеніи въ жизни народовъ“¹⁾. Для этого необходимо устранить такія условія, которыя „необходимо возбуждаютъ и усиливаютъ между народами ненависть, страхъ, словомъ враждебныя страсти“. Если мы теперь возьмемъ возможныя отношенія между народами, то откроемъ и эти условія. „Народы, говоритъ Куно Фишеръ, могутъ относиться между собою *тремя* образомъ: они или *воюютъ* между собою, или *заключаютъ миръ*, или *находятся въ естественномъ, т. е. временномъ, мирномъ состояніи*. Если народы воюютъ между собою, то пусть война не будетъ *противъ праву* (статья VI)... Если націи заключаютъ миръ, то нужно, чтобы мирный договоръ былъ *настоящимъ, т. е. заключалъ въ себѣ начала отвѣтительнаго прочнаго мира* (статья I)... Если націи находятся въ естественномъ состояніи мира, то нужно, чтобы не происходило ничего такого, что могло-бы враждебно настраивать

¹⁾ Куно Фишеръ, *Ист. соч.* стр. 219. Курсивъ здѣсь и ниже нашъ.

нхъ относительно другъ друга, слѣдовательно, ничего такого, чѣмъ-бы одинъ народъ могъ затроуть или *нарушить политическую независимость другого*. Политическая независимость народа можетъ быть нарушаема *двумя способами*: фактическимъ нападеніемъ, т. е. дѣйствительнымъ ущербомъ, или же грозящимъ опасностью, возбуждающимъ страхъ состояніемъ, въ которомъ находитесь другая, политически соедня нація **Фактическое нарушение** правъ народа можетъ имѣть два случая: во-первыхъ, одна нація *противъ ея воли соединяется съ другою* (II статья)... вторая форма фактическаго нарушенія состоитъ въ томъ, что одинъ народъ *вмѣшивается во внутреннія дѣла другого* (статья V)... Состояніе, посредствомъ котораго *одна нація на самомъ дѣлѣ можетъ быть опасною для другой*, заключается преимущественно въ двухъ государственныхъ учрежденіяхъ: *военной силѣ* (III статья) и *финансахъ, именно въ государственныхъ долгахъ* (IV статья). Здѣсь заключаются самые сильные поводы къ войнамъ; здѣсь зло должно быть вырвано съ корнемъ“¹⁾. Благодаря такой *дирекціи* прелиминарныхъ статей вѣчнаго мира, сдѣланной Кюно Фишеромъ, т. е. благодаря тому, что онъ „логически развиваетъ отрицательныя условія вѣчнаго мира, тѣ препятствія, которыя, какъ политическое зло, нужно устранить для его утвержденія“²⁾, — безъ труда можно видѣть, что Кантовскія статьи дѣйствительно нечернышаютъ свою задачу.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что выставленныя въ прелиминарныхъ статьяхъ непремѣнныя условія, безъ которыхъ вѣчный миръ невозможенъ, касаются трехъ возмолныхъ отношеній между народами. Они опредѣляютъ.

- 1) *Характеръ войны* между народами, разъ обстоятельства вынудили ихъ къ враждебному столкновенію,—въ ст. VI
- 2) *Характеръ мирныхъ договоровъ* между воюющими народами, гарантирующихъ имъ дѣйствительно прочный миръ,—въ ст. I.
- 3) *Сохраненіе мира*. Последнее должно состоятъ—
  - а) *въ отъязъ отъ дѣйствій, на самомъ дѣлѣ его нарушающихъ*, т. е.
    - аа) *отъ насильственнаго захвата* другихъ государствъ дѣлникомъ или по часямъ,—ст. II.—и

¹⁾ *ibid.*, стр. 219—222

²⁾ *ibid.* стр. 222

- bb) отъ *внимательства* во внутреннюю жизнь другого народа,—ст. V:
- б) въ *отказъ отъ предпріятіи, ведущиго къ его нарушенію*, т. е.
  - аа) отъ заведенія и усиленія *постоянныхъ войскъ*, другими словами, отъ того, что теперь называется системой „вооруженнаго мира“,—ст. III,—и
  - bb) отъ *государственныхъ долговъ на нужды внешней политики*,—ст. IV

Изъ сдѣланнаго нами подробнаго обзора прелиминарныхъ статей вѣчнаго мира и оцѣнки ихъ значенія для современныхъ международныхъ отношеній можно было замѣтить, что Кантъ предлагаетъ вниманію цивилизованнаго міра не такія-нибудь неосуществимыя утопическія мечтанія, а требованія самой элементарной *справедливости, благоразумія и честности*. Самоочевидная законность этихъ требованій пагляднѣе всего иллюстрируется уже тѣмъ, что каждое изъ нихъ въ большей или меньшей мѣрѣ (искренно или нѣтъ, — это другой вопросъ) получило признаніе и въ современной *дипломатіи* всѣхъ цивилизованныхъ странъ. „Безъидейные эмпирики“,—какъ называли Кантъ дипломатовъ за ихъ постоенную склонность практическимъ соображеніямъ выгоды, интересамъ данной минуты, приносить въ жертву вѣчныя интересы совѣсти и справедливости, — эти „безъидейные эмпирики“ всетаки оказались вынужденными подчиниться нѣкоторымъ идеямъ, отрицаніе которыхъ грозило-бы неизбѣжнымъ образомъ вернуть цивилизованный міръ къ временамъ первобытнаго варварства и хронической истребительной войны. Такова сила истины!

Идейная истина пробиваетъ себѣ дорогу чрезъ всѣ эмпирическія препятствія жизни. И пусть теперь сторонники милитаризма ухищряются въ изобрѣщеніи софизмовъ въ пользу снеспелности нашего „вооруженнаго мира“; пусть говорятъ о громадныхъ арміяхъ, какъ надежнѣйшей гарантіи мирнаго прогресса: *неискренность и своекорыстное коварство* такой проповѣди отлично чувствуется всѣми. Ея глашатаи,—вопреки надѣваемой имъ личинѣ,—не суть пионеры

здоровой культуры, а могильщики цивилизаціи. Но цивилизація не умретъ, потому что истинными двигателями ея являются *честность* и *справедливость*. Какъ ревностный служитель этихъ идей честности и справедливости въ международныхъ отношеніяхъ, великій Кантъ имѣетъ все права на безсмертіе и благодарную память въ человѣчествѣ.

II.

Дефинитивныя статьи вѣчнаго мира.

Дефинитивныя статьи вѣчнаго мира имѣютъ задачей своею указать *положительныя условія*, дѣлающія возможнымъ вѣчный миръ народовъ. Осуществленіе этихъ условій въ значительной мѣрѣ должно предшествовать самому соглашенію всехъ государствъ насчетъ прелиминарныхъ - то статей. Состояніе мира между людьми, — справедливо говоритъ Кантъ, — не есть естественное состояніе (*status naturalis*), таковымъ является скорѣе война или, точнѣе, постоянная готовность къ ней. Состояніе мира должно быть *установлено* (*muss gestiftet werden*)—выработкой такихъ формъ народной жизни, которыя-бы исполнѣ благопріятствовали миру ¹⁾. Въ первобытныхъ государствахъ и даже въ эпоху среднихъ вѣковъ программа, начертанная Кантовскими „прелиминарными статьями“ показала-бы безусловно утопичной, мечтательной и, конечно, не могла-бы рассчитывать на благопріятный пріемъ. Если-же, какъ мы видѣли, она теперь въ принципѣ уже почти цѣликомъ признана дипломатіей цивилизованныхъ государствъ и во многомъ усвоена практикой международныхъ отношеній, то это потому, что формы народной жизни стали болѣе соответствовать *идеаламъ*, *предполагаемымъ этой программой*. Вотъ эти-то идеалы и начертываетъ Кантъ въ своихъ „дефинитивныхъ статьяхъ“. Для Канта они были необходимыми *логическими предположеніями* пріемлемости и осуществимости излагаемой въ прелиминарныхъ статьяхъ программы. Для насъ они имѣютъ уже не совсемъ такое значеніе. Столѣтній историческій опытъ, накопившійся послѣ 1795 года (годъ изданія Кантовскаго Entwurf'a), кое-въ чемъ *не оправдалъ* соображеній на-

1) Zum ew. Fr. S. S. 11—12

шого философа, кое-что въ нихъ *подтвердилъ*, а кое-въ чемъ даже ихъ *опередилъ*. Для насъ, слѣдовательно, разсматриваемыя статьи подлежатъ не только *философскому*, но и *историческому* обосужденію.

Въ основу раскрытія дефинитивныхъ статей вѣчнаго мира Кантъ кладетъ слѣдующее разсужденіе „Считается общепризнаннымъ, что ни съ кѣмъ нельзя поступать враждебно, если только онъ самъ фактически не обижаетъ меня, не дозволяетъ себѣ правонарушенія въ отношеніи ко мнѣ. Это совершенно справедливо, если мы оба находимся въ *гражданскомъ правомѣрномъ* состояніи. Каждый человѣкъ, вступающій въ это состояніе, даетъ потребную гарантію другому находящемуся въ томъ-же состояніи (посредствомъ правительства, имѣющаго власть надъ обоими). Но человѣкъ или народъ, находящійся только въ естественномъ состояніи, лишаетъ меня этой гарантіи и наноситъ мнѣ ущербъ уже самымъ этимъ состояніемъ, тѣмъ что существуетъ рядомъ со мною, т. е. хотя и не фактически (facto), по беззаконностью или неправомѣрностью своего состоянія (statu injusto): влѣдствіе этого я нахожусь подъ постоянной угрозой съ его стороны и потому имѣю право принудить его или къ вступленію въ общее со мною юридическое состояніе, или къ удаленію изъ моего сосѣдства. Такимъ образомъ, постуляты, лежащія въ основѣ дефинитивныхъ статей, гласить: *все люди, которые могутъ взаимно вліять другъ на друга, должны принадлежать къ какому-нибудь гражданскому устройству*“¹⁾ Сумма правомѣрныхъ отношеній въ человѣчествѣ, по мнѣнію Канта печерпывается—1), отношеніями людей другъ къ другу, какъ членовъ одного государства или народа, опредѣляемыми въ *государственномъ правѣ* (jus civitatis);—2) отношеніями государствъ другъ къ другу, опредѣляемыми въ *международномъ правѣ* (jus gentium);—и 3) отношеніями людей и государствъ, поскольку они взаимно вліяютъ другъ на друга и могутъ быть разсматриваемы, какъ граждане одного общечеловѣческаго союза или всемірнаго государства: эти отношенія составляютъ область *космополитическаго права* (jus cosmopoliticum)²⁾. Отсюда и дефинитивныя статьи вѣчнаго

¹⁾ Ibid. S. 12, Аннотк Курень въ концѣ.

²⁾ Ibid. Ann

мира должны касаться трехъ предметовъ: 1) государственнаго устройства народовъ, 2) международныхъ отношеній и 3) космополитическаго права. Кантъ дѣйствительно и предлагаетъ три такихъ статьи.

1 статья: „Гражданское устройство въ каждомъ „государствѣ должно быть республиканскимъ“¹⁾.

Эта статья можетъ на первый взглядъ представлять большой соблазнъ для русскихъ читателей, признающихъ самодержавіе неизбѣемымъ оплотомъ законности и государственнаго благоустройства. Да кромѣ того, для настоящаго времени она не можетъ не казаться парадоксальной при сопоставленіи съ фактами послѣднихъ лѣтъ: самодержавный Государь Александръ III былъ главнымъ охранителемъ европейскаго мира, поистинѣ Царемъ-миротворцемъ, а его преемникъ, нынѣ благополучно царствующій самодержавный Императоръ Николай II является главнымъ инициаторомъ мирной конференціи для разоруженія, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, республиканская Франція досель не освободилась отъ воштенственной идеи реванша, а самоуправляющаяся Англія чаще другихъ государствъ выступаетъ съ зазорными угрозами европейскому миру. Но для правильной оцѣнки разсматриваемой статьи, необходимо, во-первыхъ, имѣть въ виду тотъ смыслъ, какой Кантъ соединяетъ съ терминомъ „республиканскій“, и, во-вторыхъ, отдѣлнить въ разсужденіяхъ Канта объ этомъ предметѣ элементы, стоящіе въ дѣйствительномъ логическомъ отношеніи къ вопросу о вѣчномъ мирѣ отъ мыслей иного порядка, развивающихся по другимъ мотивамъ.

Что касается перваго пункта, то Кантъ прежде всего предостерегаетъ отъ того, „чтобы не смѣшивать, какъ это обыкновенно бываетъ, республиканское устройство съ демократическимъ“²⁾.—„Формы государства (civitas), говоритъ онъ, могутъ бытъ раздѣляемы или по различію лицъ, обладающихъ высшей государственной властью, или-же по роду управленія народа его главою, каковъ-бы послѣдній ни былъ: въ пер-

¹⁾ ibid S. 12

²⁾ ibid S. 15

вомъ случаѣ, мы имѣемъ *форму власти* (forma imperii), при чемъ оказываются возможными только три формы: верховною властью въ государствѣ обладаетъ или *одинъ*, или *нѣскольکو* пзвѣстнымъ образомъ связанныхъ между собою лицъ, или же *всѣ* члены гражданского общества (*самодержавіе, аристократія и демократія*)”¹⁾ Какъ видимъ, понятіе самодержавія сдужитъ у Канта характеристикой для одного нль видовъ *организціи власти*, и отъ него отличаются—аристократія и демократія; республиканское же устройство организацію власти не характеризуетъ и потому еще не составляетъ противоположности самодержавію. Республиканское устройство есть, такъ сказать, категория другого порядка. Оно есть одна изъ формъ управленія, возможныхъ по словамъ Канта *при любой организаціи власти* (Regierungsart des Volks durch sein Oberhaupt, *er mag sein, welcher er wolle*).—*Формы управленія* (forma regiminis), по словамъ Канта, зависятъ отъ способа употребленія государственной власти (Art, wie der Staat von seiner Machtvollkommenheit Gebrauch macht)²⁾ „Въ этомъ отношеніи она можетъ быть или *республиканскою*, или *деспотическою*”³⁾. Такимъ образомъ, вообще говоря, по Канту возможны шесть формъ государства: монархія или самодержавіе,—республиканское и деспотическое, аристократія—республиканская и деспотическая, демократія—республиканская и деспотическая. Въ дѣйствительности этихъ формъ меньше, потому что нѣкоторые изъ видовъ организаціи верховной власти имѣютъ, по Канту, исключительное средство съ какою-либо одною формою управленія. Такъ *демократія* въ собственномъ смыслѣ слова необходимо бываетъ *деспотизмомъ*”⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, *республиканское устройство и Канта не есть противоположность самодержавія*. Оно противоположно деспотическому устройству; а самодержавіе можетъ быть какъ деспотическимъ, такъ и не-деспотическимъ (т. е. республиканскимъ). А поскольку русское самодержавіе само противопологается деспотизму⁵⁾, по сему,

1) *ibid*. Любопытно, что въ это терминъ „монархія” Кантъ употребляетъ „самодержавіе (Autokratie)“

2) *ibid*

3) *ibid*

4) *ibid*

5) См. объ этомъ А. А. Курьева Крайное и ложное славнофицельство

стѣдовательно, и Кантово требованіе республиканскаго устройства для каждаго государства, само по себѣ, перестаетъ быть обязательнымъ для русской политической мысли.

Съ точки зрѣнія Канта, можно управлять по республиканскимъ началамъ даже и тогда, когда форма законодательной власти—самодержавная. Примѣромъ такого правителя Кантъ считаетъ Фридриха II ¹⁾ Въ чемъ-же, спрашивается, полагаетъ нашъ философъ сущность республиканизма?—„*Республиканизмъ, говоритъ онъ, есть государственный принципъ отдѣленія исполнительной власти отъ законодательной*“ ²⁾. Поскольку *раздѣленіе властей* въ государствѣ — законодательной, судебной и исполнительной — гарантируетъ *господство законности* въ государственной жизни, постольку, стало быть, „республиканское устройство“ въ устахъ Канта есть просто символъ государства, „управляемаго на точномъ основаніи законовъ“. Такой республиканизмъ уже не покажется политической ересью ни одному русскому человѣку. И сами русскіе самодержцы своей священной задачей всегда полагали утвержденіе въ землѣ русской строгой законности и правды. Главное условіе этой законности и правды—раздѣленіе администраціи и суда—давно уже стало основнымъ принципомъ нашей государственной жизни. А принципъ независимости суда отъ законодательной власти находитъ свое выраженіе въ окончательности и безапелляціонности кассационныхъ сенатскихъ рѣшеній. Законодательной власти принадлежитъ право измѣнять самый законъ, но она сама признаетъ неприкосновеннымъ и окончательнымъ рѣшеніе, постановленное согласно съ закономъ.

Доселѣ мы старались выяснитъ тотъ основной смыслъ, какой Кантъ соединяетъ съ *понятіемъ* республиканизма, и нашли, что самъ по себѣ этотъ смыслъ довольно скромнѣе. Если-бы Кантъ остановился только на этомъ, то его 1-ая дефинитивная статья вѣчнаго мира заключала-бы въ себѣ лишь требованіе строгой законности и правомѣрнаго порядка въ государственной жизни,—требованіе, полтъ которымъ не

ученія, 1896, стр. 32—58. Изложеніе и оцѣнка воззрѣній г. Курьева сдѣланы нами въ 4 дн. „Богосл. Вѣст.“ за 1897 г.

¹⁾ Zum ew. Fr., S. 16

²⁾ *ibid.* S. 15. Куревъ нашъ.

колеблясь подписаться-бы и всякій монархистъ; но онъ на этомъ не остановился: переходя отъ понятія къ его *конкретному воплощенію* въ жизни, онъ набрасываетъ такую картину республиканскаго устройства государства, которая уже оказывается далеко не безразличной для какой-бы то ни было организациі государственной власти. Мы уже видѣли, что въ чистой демократіи онъ нашелъ необходимое средство съ деспотизмомъ и, слѣдовательно, противоположность республиканизму. Что-же касается самодержавія, то, признавая въ принципѣ его не стоящимъ въ противорѣчій съ идеей республиканизма, Кантъ въ дѣйствительности все-таки относился къ нему недовѣрчиво, считалъ его легко способнымъ усвоить деспотическій характеръ и потому отдавалъ предпочтеніе *конституціонной монархіи*. Здѣсь мы должны перейти ко второму изъ намѣченныхъ пунктовъ для оцѣнки Кантовыхъ воззрѣній на данный предметъ, именно къ опредѣленію логическаго отношенія между идеей вѣчнаго мира и Кантовскимъ идеаломъ республиканскаго государственнаго устройства.

Мы видѣли, что касаться въ дефицитивныхъ своихъ статьяхъ государственнаго устройства народовъ Кантъ считалъ необходимымъ потому, что правомѣрные международныя отношенія возможны только къ политически-благоустроенному обществу, а народъ, находящійся „in statu injusto“, былъ-бы постоянной угрозой миру сосѣдей. Ясно, что *для интересовъ вѣчнаго мира достаточно только, чтобы во всякомъ государствѣ существовали строгая законность и прочный правительный порядокъ*, а какія конкретныя формы принимаетъ государственная жизнь при водвореніи этихъ законности и порядка,—для даннаго вопроса совершенно безразлично. Поэтому, строго говоря, Канту при разработкѣ своей темы объ условіяхъ вѣчнаго мира не было надобности конкретно и детально рисовать свой идеалъ республиканскаго устройства. Вѣчный миръ, по существу своему, есть явленіе международное, и потому условія его могутъ касаться внутренняго строя различныхъ государствъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой этотъ строй благопріятенъ или неблагопріятенъ установкѣ правомѣрныхъ *международныхъ* отношеній. Для возможности вѣчнаго мира вполне достаточно и той доли республиканизма, которая можетъ существовать и въ благоустроен-

номъ самодержавномъ государствѣ. Претензія-же начертывать конституцію для всѣхъ государствъ, имѣющая свое законное мѣсто въ философскомъ изслѣдованіи вопросовъ государственнаго права, неумѣстна въ трактатъ по международному праву. И если-бы Кантъ не думалъ этого изъ виду, онъ не придавалъ-бы разсматриваемой статьѣ вѣчнаго мира такой формулировки и такого постановленія, которыя, съ одной стороны, являются соблюденіемъ для политическаго мышленія нѣкоторыхъ государствъ, имѣющихъ однако все законныя права на участіе въ общечеловѣческой задачѣ осуществленія вѣчнаго мира, а съ другой,—дѣлають саму по себѣ вѣрную мысль парадоксомъ предъ судомъ исторіи. Первая дефинитивная статья вѣчнаго мира должна-бы быть формулирована такъ:

„Каждое государство должно заключать въ своемъ устройствѣ гарантіи неизблемой законности и прочнаго „правомѣрнаго порядка“¹⁾

Что касается Кантовскаго идеала республиканскаго устройства, то онъ, несомнѣнно, стоитъ подъ вліяніемъ Руссо и идей французской революціи. Основная черта этого идеала—возможно большее участіе гражданъ въ законодательствѣ государства и въ рѣшеніи его политическихъ судеб²⁾. Намъ нѣтъ нужды въ подробностяхъ излагать эти взгляды Канта и ихъ обоснованіе. Мы отнюдь не хотимъ обсуждать данный вопросъ по существу. Намъ важно только показать отношеніе Кантовскаго идеала къ вѣчному миру народовъ.

Почему-же участіе народа въ дѣлахъ государства Кантъ считалъ благоприятнымъ условіемъ вѣчнаго мира? Насколько правильно такое воззрѣніе?

¹⁾ Эта формулировка при вся сравнительно общности, не только не заключала-бы въ себѣ революціонной тенденціи въ отношеніи къ историческимъ сложившимся существующимъ типамъ государственнаго устройства, но и не имѣла-бы въ составѣ спеціальнаго и,—къ слову сказать—неправильнаго смысла для гермина „республиканскій“. Входить въ критическую оцѣнку Кантовыхъ понятій—самодержавія, аристократіи, демократіи, республицизма и деспотизма намъ нѣтъ надобности. Для насъ важно было только установить смыслъ этихъ понятій съ Кантовой точки зрѣнія.

²⁾ Vgl. Zum ew. Fr. SS. 13—17. Rechtslehre SS. 46—47.

„Если для рѣшенія вопроса, — „нужна ли нѣтъ война“ — разсуждаетъ Кантъ, требуется согласіе гражданъ, то нѣтъ ничего естественнаго, чтобы они несли на себѣ и весь тягостн войны“ ¹⁾ Понятно, что народъ, сознавая это, не можетъ какъ легкомысленно рѣшиться на войну, какъ единоличный правитель, для котораго война можетъ быть просто особымъ видомъ спорта. Кантъ, несомнѣнно, здѣсь имѣлъ въ виду династическія войны своего вѣка, войны Людовика XIV, Карла XII, Фридриха II ²⁾. Соображеніе это, очевидно, рассчитано на народную психологію. Предполагается, что народы естественно любятъ миръ и ненавидятъ бѣдствія войны. Но народная психологія—это такая вещь, о которой а priori судить весьма рискованно. Справедливо замѣчаетъ Паульсенъ, что „республиканизированіе государствъ не только не изгнало войны изъ международной прагматики, но и весьма значительно измѣнило прежнее нерасположеніе населенія къ войнѣ: со всеобщей воинской повинностью, обязацной своимъ введеніемъ революціи, война стала народнымъ дѣломъ (Volkssache) и потому сдѣлалась въ пзвѣстномъ смыслѣ популярною, чего никогда не могло быть при династическихъ войнахъ, ведшихся при помощи наемниковъ“ ³⁾. По мнѣнію Паульсена, предположеніе, что народы не хотятъ войны, въ виду ея тягостей, — ошибочно. „Народы, — говоритъ онъ, — конечно, любятъ миръ, но есть нѣчто, что они любятъ еще болѣе, это—слава“ ⁴⁾. Если и не признавать безусловно вѣрнымъ послѣднее утверженіе Паульсена, то во всякомъ случаѣ, расчетъ Канта на народную психологію является далеко не безспорнымъ. Что-же касается до указанія на династическія войны, то для настоящаго времени оно уже не имѣетъ серьезнаго значенія. Теперь династическія войны едва-ли возможны. Теперь источникомъ войны можетъ быть главнымъ образомъ соревнованіе народовъ на экономической почвѣ, борьба за рынки. Законы-же этой борьбы не стоятъ ни въ какомъ прямомъ отношеніи къ государственному устройству.

¹⁾ Zum ew. Fr. S. 16

²⁾ Paulsen. a. a. O., S. 353

³⁾ ibid S. 354

II статья: „Международное право должно быть „основано на федерализмѣ свободныхъ „государствъ“ 1)

Чтобы международныя отношенія были *правомѣрными*, а не естественными только, необходимо взять государствамъ образовать изъ себя нѣкоторое устройство, аналогичное гражданскому устройству въ отдѣльныхъ государствахъ. Этому требованію, по мнѣнію Канта, удовлетворяетъ *союзъ народовъ*. Но этотъ союзъ, говоритъ онъ, не можетъ быть *всемирнымъ государствомъ*, потому что не все отношенія человѣческихъ индивидуумовъ въ отдѣльномъ государствѣ могутъ быть повторены и въ отношеніяхъ государствъ, образующихъ союзъ народовъ. Во всякомъ государствѣ мы имѣемъ отношеніе *высшаго* (законодателя) къ *низшему* (подчиненному), т. е. къ народу. Между государствами - же такое отношеніе невозможно: союзъ государствъ образовать-бы только, такъ сказать, народъ всемирной республики, функцію - же главы ея взять было-бы некому 2).

Въ естественныхъ отношеніяхъ народовъ нарушенное право какого-либо народа возстановляется не при помощи судебного процесса, а посредствомъ войны, и побѣда рѣшаетъ на чьей сторонѣ право. Но для всякаго очевидно, что это рѣшеніе не есть правомѣрное, потому что сила—не право, а побѣда не всегда достается справедливому. Разумъ и нравственное чувство безусловно осуждаютъ войну и признаютъ мирное состояніе народовъ за прямой ихъ долгъ. Но такъ-какъ это состояніе не есть естественное, а должно быть *установлено и гарантировано* въ своей ненарушимости, то, очевидно, долженъ существовать особый родъ союза, который можно назвать *мирнымъ союзомъ* (foedus pacificum). Этотъ союзъ отличается отъ *мирнаго договора* (pactum pacis) тѣмъ, что послѣдній ограничиваетъ только *одну* войну, а первый—*все* войны и навсегда. Отъ всемирнаго государства этотъ союзъ будетъ отличаться тѣмъ, что въ немъ нѣтъ официальной принудительной власти: это *свободный союзъ* 3).

Кантъ нѣсколько разъ возвращается къ мысли, что ес ли

1) *Zur ew. Fr. S. 17*

2) *ibid. SS. 17—18*

3) *ibid. SS. 19—20.*

бы государствъ міра могли образовать изъ себя одно государство, то это лучше всего повело-бы къ осуществленію идеала вѣчнаго мира, потому что тогда право гарантировалось бы *принужденіемъ* правонарушителя). Но такъ-какъ повѣроятно, чтобы народы согласились на такую форму политическаго сосуществованія, то *суррогатомъ* всемірной республики является союзъ государствъ, съ цѣлію противодѣйствовать войнѣ и улаживать политическія несогласія мирнымъ путемъ ²⁾.

Идея „мирнаго союза“ государствъ несомнѣнно имѣть блестящую будущность. Уже теперь, спустя всего 100 лѣтъ послѣ Кантовской проповѣди этого союза, она стала общепризнаннымъ постулятомъ въ ученіи о международномъ правѣ. Да кое-что сдѣлано и для практическаго осуществленія этой идеи. Теперь уже масса международныхъ столкновеній разрѣшается, съ согласія заинтересованныхъ сторонъ, третейскимъ судомъ. А юта русскаго правительства отъ 30 дек. предполагаетъ еще большее расширеніе сферы дѣйствія третейскаго суда (п. 8). Но такъ-какъ третейскій судъ не есть институтъ, постоянно функционирующій, и обращеніе къ нему носитъ болѣе или менѣе случайный характеръ, то чѣмъ больше симпатій вызываетъ его дѣятельность, тѣмъ яеппе становится въ сознаніи культурнаго человечества потребность въ такой международной организаціи, — въ родѣ, напримеръ, какого-нибудь постояннаго конгресса, — гдѣ *весь* столкновенія народовъ находили-бы свое мирное разрѣшеніе. Третейскіе суды суть естественные предтечи постоянныхъ конгрессовъ въ роли международныхъ судилищъ. А устройство послѣднихъ предполагаетъ нѣкоторое формальное соглашеніе государствъ—не доводить своихъ распрій до войны, а подчиняться рѣшенію конгресса.

Такъ Кантовскій идеалъ свободнаго федерализма государствъ стоитъ на прямомъ пути къ своему осуществленію.

Но намъ кажется, что самый этотъ идеалъ не достаточно смѣль и послѣдователенъ. Кантъ считаетъ неосуществимой идею всемірной республики, которая давала-бы *принудительно* гарантію международной справедливости. Но почему-бы

¹⁾ *ibid* s. 21

²⁾ *ibid*

самый предлагаемый имъ „foedus pacificum“ не могъ взять на себя функцію принужденія правонарушителей? Въдѣ достигается-же иногда своей цѣли такъ называемый европейскій „концертъ“ великихъ державъ—путемъ угрозы и давленія, практикуемыхъ въ отношеніи второстепенныхъ государствъ и некультурныхъ народовъ. Почему-же не вообразить себѣ, всемірнаго союза государствъ, который взять-бы на себя задачу въ случаѣ необходимости, *силою* поддержать авторитетъ международнаго судилища-конгресса? Почему-бы въ распоряженіе послѣдняго не дать своего рода „международной полиціи“, которая, превосходя своею численностью и подготовкой войска каждаго отдѣльнаго государства (въдѣ условіями вѣчнаго мира предполагается совершенное уничтоженіе постоянныхъ войскъ, а начало такому уничтоженію можетъ быть положено только предварительнымъ сокращеніемъ ихъ), могла-бы путемъ принужденія содѣйствовать торжеству законности? Въ эти предложенія отнюдь не утопичны „даже теперь своеобразной комбинаціей европейскихъ силъ (наступательныя и оборонительныя союзы,—въ родѣ, напр., двойственнаго и тройственнаго) превращается вооруженное столкновеніе ихъ. Почему-же не признать для *все мірнаго союза* доступными бо гдѣ крупныя задачи“)? При условіяющемся со

1) Мысль о возможности *принудительной* гарантіи мира вообще уже не чужда современному мышленію. Недавно ее весьма рѣшительно высказалъ известный американскій юмористъ *Маркъ Твенъ*. Въ № 2 издаваемого Сидомъ журнала „*War against war*“ и посвященнаго вопросу мира и всеобщаго разоруженія помѣщено остроумное письмо Марка Твена. Американскій юмористъ считаетъ необходимымъ для всеобщаго мира, чтобы только четыре большихъ державы согласились убавить свои арміи. Тогда остальные можно заставить силою сдѣлать то-же самое. „Достаточно, говоритъ онъ, четырехъ державъ, если только ихъ можно грѣшко запереть вмѣстѣ. Опъ-бы могъ и вынудить миръ—а безъ принужденія—какой-же это былъ бы миръ? (Июль-я, 1899 г., № 5, стр. 178). Нужно, впрочемъ, сказать, что въ „звѣчный“ миръ Маркъ Твенъ не вѣритъ, а предлагаетъ только средства для сокращенія возможности войны до *minimum* а „Вѣчнаго мира,—такъ задумываетъ онъ свое письмо, я полагаю, исполнитъ образомъ обладать не быя, по я думаю, что можно постепеннымъ сокращеніемъ военныхъ силъ Европы довести ихъ численность всего до 20,000 человекъ. Тогда мы будемъ имѣть причинны миръ—а если понадобится война—то она будетъ доступна во цѣль всякому“ (*Ibid*). Постыдную мысль ср. со стариннымъ нами по поводу Ш

дня на день разностороннемъ вліяніи, какое оказывается на жизнь и экономическіе интересы каждаго народа состояніемъ другихъ народовъ, скоро всякая война будетъ невыгодна для *всего человечества*. Тогда самъ собою и легко разрешится вопросъ о насильственномъ превращеніи всемірнымъ союзомъ государствъ вооруженныхъ столкновеній между отдельными народами.

III статья „Космополитическое право должно быть „ограничено условіями всеобщаго „степенитета““¹⁾

Эта статья нѣсколько не гармонируетъ съ той широтою воззрѣній, какой вообще отличается Кантова программа вѣчнаго мира. То, чего требуетъ здѣсь Кантъ, теперь уже давно осуществлено. Даже больше того, космополитическое право въ настоящее время *фактически несравненно шире* этого требованія. Въ наше время не только „право посѣщенія (Besuchsrecht)“ каждымъ членомъ любого государства и право не считаться при этомъ за врага безспорно признаются всюду, но признается также и право участвовать въ нѣкоторыхъ благахъ другого государства, чего Кантъ, повидимому, не допускалъ. Чужеземецъ въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ находится подъ такой-же охраной его законовъ, какъ и всякій природный гражданинъ. Бюстителимъ его интересовъ является консулъ его страны. Всеми жизненными и культурными удобствами онъ можетъ безпрепятственно пользоваться за свои деньги такъ-же, какъ и любой аборигенъ. Недоступны ему только участіе въ политической и общественной дѣятельности, да нѣкоторыя занятія, гдѣ онъ является нежелательнымъ конкурентомъ для мѣстныхъ гражданъ. Но въ послѣднемъ отношеніи тѣло, кажется, можетъ идти къ лучшему. Это отчасти видно изъ того впечатлѣнія, какое произвели въ Европѣ недавнія высылки изъ Германіи австрійскихъ и чехскихъ подданныхъ.

Впрочемъ, въ интересахъ вѣчнаго мира, достаточно и того

при примѣрной статьѣ. Но пути, ведущіе къ сокращенію взрѣтности войны, очевидно съ великими къ вѣчному миру.

1) *ibid* S. 22.

требованія, какое выставяеть Кантъ. .Лишь-бы всякаго чужеземца не принимали за врага! А если-бы ему въ чужой странѣ и не пришлось чувствовать себя вполнѣ равнымъ съ природными жителями, это все-таки не дастъ пищи международной враждѣ

П. Тихомировъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
